

К ОЦЕНКЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКИ В КИЛИКИИ В 1918—1922 гг.

Р. Г. СААКЯН

Французская ближневосточная политика в целом и политика в Киликии нашли отражение в зарубежной историографии¹. Однако до сих пор ни историками-марксистами, ни буржуазными авторами не издано ни одного специального труда, посвященного этой проблеме. Нет также отдельного исследования о французо-турецких взаимоотношениях. Но в многочисленных мемуарах непосредственных участников событий, трудах, очерках и статьях западноевропейских, американских и турецких авторов содержится достаточно материала, характеризующего их подход как к проблеме в целом, так и в освещении ее разных аспектов. Буржуазные авторы, например, в своих трудах сознательно игнорируют антисоветский аспект предпринятых в те годы внешнеполитических акций французских колонизаторов на Ближнем Востоке. Между тем имеется множество фактов, свидетельствующих о том, что после победы Великой Октябрьской социалистической революции французские империалистические круги приняли самое активное участие в организации антисоветской интервенции, а с возникновением кемалистского движения—стали вынашивать идею использования Турции в этих целях. Об этом говорилось даже открыто в Палате депутатов французского парламента, где перед правительством выдвигалась задача воспрепятствовать «русской экспансии» в сторону Востока, в частности Индии, путем создания сильной Турции. «Чтобы помешать этому русскому распространению на Восток, имеется единственный возможный барьер: это барьер консолидированной Турции»,— утверждал на заседании Палаты 24 декабря 1920 г. депутат Белле, по мнению которого помощь Турции «встать на ноги» означало бы «спасти весь Восток от большевизма»². Новые факты, выявляющие антисоветский аспект англо-французской ближневосточной политики, содержатся в вышедших в последние годы томах «Документов внешней политики Великобритании». Так, в одном из донесений 1921 г. выражалось опасение, что в случае усиления Турции и увеличения ее доверия к Советской России может создаться угроза для Сирии, Палестины и Месопотамии, что вынудит Францию и Великобританию укрепить свои гарнизоны в этих странах, либо покинуть их³.

Много места уделено в работах французских и английских авторов «обоснованию» тех или иных акций своих правительств, их восхвалению и оправданию. Эта тенденция особенно проявляется у французских авторов; многие из них всю вину за дипломатические срывы и неудачи Франции на Ближнем Востоке изваливают на

¹ Статья посвящена критическому анализу зарубежных изданий документальных источников и тех работ буржуазных авторов, в которых рассмотрены те или иные аспекты изучаемой проблемы. Что же касается состояния изучения проблемы в советской исторической литературе, этот вопрос нами изложен отдельно. См. *Р. Г. Саакян. Англо-Французские дипломатические контакты и Киликия 1919—1921 гг. Врбкн, 1970*; Р. Г. Саакян. О турецко-французских дипломатических контактах в 1919—1920 гг.—В кн.: Турция: история, экономика. М., 1978, с. 114—122.

² Bellel. La question de Cilicie. Discours prononce le 24 Décembre 1920 a la Chambre des Députés. Extrait du „Journal Officiel“ annoté et suivi d'une notice sur la Cilicie par M. S. David-Beg. Paris, 1921, p. 31.

³ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. First Series. Edited by E. L. Woodward and Cohan Butler. Vol. 17. London, 1970, p. 245 (Лорд Керзон лорду Гардингу, от 14 июня 1921 г.).

Англию, которая своей политикой «всячески старалась помешать Франции разрешить турецкий вопрос мирным путем»⁴.

Ряд французских авторов проявляет необъективность и тенденциозность при оценке побудительных причин оккупации Киликии французскими войсками. Апологеты колониальной экспансии Франции, вслед за многочисленными фарисейскими заявлениями сменявших друг друга правительств, повторяют в своих работах все ту же ложную версию о том, что в основе французской политики в Киликии якобы лежала забота о национальных меньшинствах. Они пытаются доказать, что тысячи французов погибли ради избавления национальных меньшинств от притеснений и насилия турок. «Нашей обязанностью, безусловно, являлась защита армян от резни»⁵,—твердил в свое время бывший офицер оккупационных войск в Киликии П. Бернар, забыв при этом сказать о том, как выполнила Франция эту свою обязанность. Французский историк Жан-Пьер Алем утверждает, что высадка англо-французских войск в Александrette «преследовала цель создать в Киликии армянский национальный очаг под покровительством Франции»⁶. А другой автор, Тести, замалчивая империалистические возжелания французских колонизаторов, писал о том, что Франция будто бы потратила в Леванте 21 млн франков «для защиты армян»⁷ (курсив мой,—Р. С.). Основываясь на своей ложной версии, автор допускает выпады против вернувшихся к родным очагам армян, обвиняя их... в дискредитации французов в глазах турок: «...французы обвинялись в том, что они будто бы хотели отнять у турок в пользу армии самую богатую область Османской империи—Киликию»⁸.

Другая группа французских авторов рассматривает ближневосточную политику своего правительства начала 20-х годов с точки зрения экономических и финансовых интересов французских монополий, экспансии французского империализма. «Первостепенная задача Франции состояла в том, чтобы получить обратно те французские капиталы, которые были вложены в районе Восточного Средиземноморья»⁹,—признавал в своих мемуарах французский дипломат Жак Барду. И в этом признании не было ничего особенного, если учесть, что о том же открыто говорил министр иностранных дел Франции Жан Пишон, заявивший по окончании мировой войны, что «Франция имеет неоспоримые права в Османской империи»¹⁰.

Этой группе откровенных апологетов колониальной политики Франции противостояли те, кто критиковал вероломную позицию Антанты, в первую очередь Англии и Франции, по отношению к угнетенным народам Османской империи. Так, политический обозреватель «Журналь де деба» Огюст Говэн отмечал, что в то время как союзники не спешили выполнять свои обещания, вражеские силы перешли в наступление против тех народов, «которым мы торжественно обещали независимость»¹¹. В статье «Пять лет французской политики на Ближнем Востоке» он показал пагубные последствия французской ближневосточной политики особенно для христианских народов Турции, которые «с надеждой взирали на Франшэ д'Эспрэ», а в конечном счете эта политика привела к тому, что «старые добрые турки» возродили в Килли-

⁴ Ch. Ayouub. Les mandats orientaux. Paris, 1924, p. 66.

⁵ Paul Bernard. Six mois en Cilicie. Aix-en Provence, 1929, p. 45.

⁶ Jean-Pierre Alem. L'Arménie. Paris, 1962, p. 66.

⁷ Testis. L'œuvre de la France au Levant (Syrie et Cilicie). Extrait de la „Revue des deux mondes“ du 15 février et 1 mars 1921. Paris, 1921, p. 46.

⁸ Там же, с. 35.

⁹ J. Bardoux. De Paris a Spa. La bataille diplomatique pour la paix française (février 1919—octobre 1920). Paris, 1921, p. 311.

¹⁰ Annales de la Chambre des Députés. Session ordinaire de 1918. Paris, 1918, p. 3716.

¹¹ Auguste Gauvain. L'Europe au jour le jour. Tome XIV. Traités 1919 (Mars 1919—janvier 1920). Paris, 1923, p. 439.

нии и, в частности, в Мараше ужасы времен Эввера¹². Однако наиболее основательная и аргументированная критика политики Франции содержится в работе Э. Пюколя «Союзники и восточный кризис», где автор, раскрывая тактику держав Антанты в отношении Турции, показывал, что они, в данном случае Франция, не смогли обеспечить безопасность национальных меньшинств, особенно армян, которые вынуждены были покинуть свою родную Киликию и эмигрировать¹³. А известный историк-международник Эдуар Дрио, касаясь событий в Мараше в феврале 1920 г., заключал: «Парижское правительство, вместо того, чтобы как-нибудь исправить это кровавое дело, вывело свои войска из Мараша, предоставив туркам возможность выместить свою злобу на армянах»¹⁴.

Особенно критически следует отнестись к оценкам и выводам, содержащимся в работах туркофильски настроенных французских историков, публицистов и др. Пьер Лоти, Берта-Жорж Голи, Жерар Тонга, Поль Жантисон, Маргарит Бургуэн, Филипп де Зара, Жак Бенуа-Мешен и др.¹⁵), которые ко всем политическим и дипломатическим шагам своего правительства подходили с точки зрения восстановления «традиционной франко-турецкой дружбы» и восстановления тем самым французского влияния на всем Ближнем Востоке. «Почему мы забываем,— писал Ж. Тонга,— что именно благодаря Турции Франция на протяжении веков играла доминирующую роль в Леванте?» Автор доводил восхваление Турции до такой степени, что называл ее, наряду с Францией, «одной из двух великих демократий»¹⁶. А небезызвестный туркофил Пьер Лоти, полностью защитив коварную и вероломную по отношению к армянскому населению политику французских империалистов в Киликии, утверждал, что во всех случаях были виноваты армяне, которые якобы «подвергли мусульман невероятным страданиям... совершили ужасные преступления»¹⁷.

Для всесторонней оценки французской политики в целом, то есть по отношению как к стамбульскому, так и анкарскому правительству, представляют интерес факты, приведенные в работах Мориса Перно, Мишеля Пайареса, Гюстава Готро, Эдгара Пеша, К. де Гонт-Бирона¹⁸, хотя и у этих авторов немало противоречивых суждений, тенденциозных и односторонних выводов и обобщений.

По охвату достоверных данных и конкретного фактического материала выделяются мемуары руководителя французского административного контроля в Киликии полковника Эдуара Бремона, работы очевидцев и участников событий Пьера Редана, Матерна Мюре, Ремюза, командира 412-го пехотного полка подполковника

¹² Auguste Gauvain. Five Years of French Policy in the Near East.—Foreign Affairs. December 15, 1924, vol. 3, № 2, p. 280, 283.

¹³ E. Nicol. Les Alliés et la crise orientale. Paris, 1. 22, pp. 27, 56.

¹⁴ Edouard Driault. La Question d'Orient 1918—1937. La paix de la Méditerranée. Paris, 1938, p. 102.

¹⁵ Pierre Loti. De l'Académie Française. La mort de notre chère France en Orient. Paris, 1926; Berthe-George Gaulis. Le nationalisme turc. Paris, 1921; eadem. La question turque. Une page d'histoire turque et d'erreurs européennes. 1919—1931. Paris, 1931; Paul Gentizon. Mustafa Kémal ou l'Orient en marche. Paris, 1929; M. Bourgoïn. La Turquie d'Ataturk. Paris, 1936; Philippe de Zara. Moustafa Kémal dictateur. Paris, 1936.

¹⁶ Gérard Tongas. Ataturk and the True Nature of Modern Turkey. Translated from the French by Major F. F. Rynd. London, 1939, p. 13, 15.

¹⁷ Pierre Loti. Op. cit., p. 87—88.

¹⁸ Maurice Pernot. La question turque. Paris, 1923; Michel Paillaire. Le Kémalisme devant les Alliés. Constantinople—Paris, 1922; Gustave Gautherot. La France en Syrie et en Cilicie. Courbevoie (Seine), 1920; Edgard Pech. Les Alliés et la Turquie. Paris, 1925; Comte K. de Gontaut-Biron. Comment la France s'est installée en Syrie (1918—1919). Paris, 1923.

Тибо¹⁹ и др. Однако и эти авторы восхваляют «освободительную» и «просветительскую» миссию Франции на Востоке в целом и в султанской Турции—в частности, с той лишь разницей, что одни представляют французских империалистов как покровителей всех христиан Востока²⁰, другие же как «традиционных друзей всех мусульман, и в первую очередь османских гурок»²¹.

Все эти работы французских авторов вышли в свет до второй мировой войны. Что же касается послевоенных изданий, их немного и они в основном имеют компилятивный характер; новых документов и интересных фактов мало, а выводы и оценки зачастую повторяют предыдущих авторов, продолжая линию восхваления действий французской дипломатии, ее активной роли в предотвращении разгрома турецких войск в Сакаринском сражении²², в окончательном прекращении военных действий²³ и т. д. Некоторые авторы, пытаясь оправдать позорную эвакуацию французских оккупантов из Киликии, ставят ее в прямую зависимость от политики в Сирии, которая в планах французских империалистов действительно занимала гораздо более важное место, нежели Киликия. «Франция,— писал известный востоковед Рене Груссе,— все устремления которой ограничивались получением сирийского мандата, не имела никакого интереса удерживаться в Киликии...»²⁴ Бывший министр, академик Эд. Боффу к этому добавлял, что «как только Франция эвакуирует Киликию, она будет иметь в Сирии одну длинную общую границу с Турцией», поэтому, заключал он, в интересах Франции было «договориться с Анкарой с тем, чтобы сохранить на месте только минимум необходимых войск»²⁵.

На колониальную сущность французской ближневосточной политики проливает дополнительный свет новый обширный документальный материал, содержащийся в недавно опубликованном двухтомном труде генерала дю Э «Французские армии в Леванте. 1919—1939 гг.»²⁶, написанном в основном на архивных материалах Генерального штаба сухопутной армии Франции. Вопреки приведенным в книге фактам, скрывающим захватнический характер действий французских войск, автор утверждает, что «в целом коренное население—турки, туркмены, курды, черкесы—принимало нас хорошо», забывая при этом упомянуть об армянах, составлявших после войны одну треть всего населения Киликии. Он же заявляет: «в начальный период нашего

¹⁹ E. Brémond. *La Cilicie en 1919—1920*. Paris, 1921; Pierre Redan. *La Cilicie et la problème ottoman*. Préface par René Pinon. Paris, 1921; *Materné Mure*. Le massacre de Marache (Février 1920). Extrait du „Flambeau“, revue belge des questions politiques et littéraires. 4e année, № 1, Janvier 1921; Rémusat. *Cilicie (1918—1919)*. Extrait de la „Revue des sciences politiques. Tome LIV, juillet—septembre 1931; Lieutenant-colonel C. Thibault. *Historique du 412e Régiment d'Infanterie*. Paris, 1923.

²⁰ E. Brémond. *Op. cit.*, p. 19.

²¹ Philippe de Zara. *Op. cit.*, p. 218.

²² J. Benoist-Méchin. *Le loup et le léopard. Moustapha Kémal ou la mort d'un Empire*. Paris, 1954, pp. 262, 271.

²³ Willy Sperco. *Moustapha Kémal Ataturk (1882—1938)*. Paris, 1958, p. 86—87. См. также Jules Laroche. *Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré 1913—1926*. Paris, 1957; Georges Bonnet, *Ambassadeur de France. Le Quai d'Orsay sous trois républiques*. Paris, 1961; Jean-Paul Garnier. *La fin de l'Empire Ottoman. Du sultan rouge à Mustafa Kémal*. Paris, 1973.

²⁴ René Grousset. *Le réveil de l'Asie. L'impérialisme britannique et la révolte des peuples*. Paris, 1924, p. 26.

²⁵ Edouard Bonnefous. *Histoire politique de la Troisième République. Tome 3ème L'après-guerre 1919—1924* Paris, 1959, p. 245.

²⁶ Général du Hays. *Les Armées françaises au Levant 1919—1939. Tome 1—2*. Château de Vincennes, 1978—79.

присутствия в Киликии паша политика казалась чисто арменофильской: наша оккупация была осуществлена частями армянского легиона, так как других войск у нас не было». При этом автор пытается провести ту неверную мысль, что «прилив армян был поддержан и организован Жоржем Пико и англичанами, которые опасались, что после их ухода из Сирии там может иметь место резня армян». Совершенно необоснованно и утверждение автора о том, что население французской зоны оккупации «казалось, поняло, что паша оккупация приносила им мир»²⁷.

Среди работ французских авторов выделяется исследование очевидца событий историка Поля дю Веу «Страдания Киликии», первое издание которого увидело свет еще в 1938 г., а последнее, переработанное и дополненное, — в 1954 г.²⁸ В отличие от многих, дю Веу, обстоятельно анализируя политику правящих кругов своей страны по отношению к населявшим Киликию национальностям, четко выказывает свое критическое отношение к этой пагубной для них политике французского правительства. Автор в целом правильно излагает события 1919—1922 гг. в Киликии: отступление французских войск из Мараша в феврале 1920 г., приведшее к ужасающей резне и гибели в пути многих тысяч мирных жителей, события в Ашштабе, самооборону армян в Хаджине и др. Книга цепна также богатым приложением, содержащим различные документальные источники, которые проливают свет на ряд сторон национальной политики анкарских руководящих кругов. Следует, однако, отметить, что автор при освещении ряда вопросов допускает оскорбительные выпады в адрес турок, что может создать впечатление о тенденциозности этой книги. Между тем, как было отмечено, этот труд Поля дю Веу представляет определенную ценность для воссоздания объективной картины действий французских и анкарских руководящих кругов в Киликии.

Значительное внимание уделено политике Франции по отношению к Турции и франко-турецким взаимоотношениям в турецкой историографии. По части публикации первоисточников и здесь, однако, имеются те же пробелы, которые налицо во Франции: до сих пор не изданы дипломатические документы того периода, а архивные документы и материалы по-прежнему недоступны не только иностранным, но и турецким исследователям. В основу же оценок и выводов, содержащихся в работах турецких авторов, ставятся высказывания и известная речь М. Кемалья, произнесенная на II съезде народно-республиканской партии 15—20 октября 1927 г. Известно, однако, что еще в своем выступлении в Великом Национальном собрании в Анкаре 24 апреля 1920 г. М. Кемаль, вопреки истине, утверждал: «И хотя в Киликии и за пределами наших восточных границ регулярные и нерегулярные армянские войска совершают нападения на наших соплеменников и единоверцев и творят преступления против них, мы считаем своим весьма важным долгом, *налагаемым на нас цивилизацией* (курсив мой,—Р. С.), оградить живущее в Анатолии мирное армянское население от каких бы то ни было преследований»²⁹. А в упомянутой выше речи М. Кемалья наряду с обстоятельным разбором внешнеполитических акций стран Антанты, и в частности Франции, имеются совершенно необоснованные и, более того, грубо искажающие историческую действительность утверждения. Так, коснувшись французской политики в Киликии и событий в Мараше в январе—феврале 1920 года, когда от рук турецких регулярных частей и разных банд погибло более 12 тысяч армян, Кемаль, «забыв» о геноциде армян в период правления младотурок, заявил следующее: «Именно армяне являлись творцами той дикости, которая не имела себе равных в истории»³⁰.

²⁷ Там же, т. 1, с. 121; т. 2, с. 230, 233.

²⁸ Paul du Veau. La passion de la Cilicie 1919—1922. Nouvelle édition revue. Paris, 1954.

²⁹ Кемаль Ататюрк. Избранные речи и выступления. М., 1966, с. 81.

³⁰ Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. Т. 3. М., 1934, с. 113.

В этом же духе написаны официальная история Турции «Тарих», учебники по истории и большинство мемуаров участников и очевидцев событий. Освещающие же французскую политику историки, как правило, обвиняют Францию в том, что она якобы защищала христиан, в первую очередь армян. При этом «аргументация», приводимая турецкими авторами, не выдерживает никакой критики. Так, бывший депутат меджлиса Али Саиб утверждал, что французы попустительствовали преступлениям и насилию, будто бы совершаемым армянами, по той причине, что «турецкое золото грабилось последними и текло в карманы французов»³¹.

Любопытные сведения о франко-кемалистских дипломатических контактах в 1919—1920 гг. пригодятся в мемуарах известного политического и военного деятеля Али Фуада Джебесоя. Особенно интересны сведения о переговорах, которые вел с Мустафой Кемалем в Сивасе в декабре 1919 г. представитель французского правительства Франсуа-Жорж Пико. Приведенные в «Воспоминаниях о национально-освободительной войне» факты свидетельствуют о том, что Кемаль и близкие к нему деятели были заранее осведомлены о поездке Пико в Сивас и встретили его в полной готовности, и что французская дипломатия имела ложное представление о несуществовавших в ту пору «национальных армиях» кемалистов³². В другой своей книге—«Политические воспоминания»—Джебесой, говоря об антифранцузском восстании в Мараше, избегает объективного анализа и оценки событий³³. Отдельные интересные известия об имевших место в течение 1920—21 гг. дипломатических контактах между представителями французского правительства и Великого Национального собрания Турции содержатся в «Дипломатической истории 1919—1939 гг.» проф. Ахмеда Шюкря Эсмера и в его же статье «Турецкая дипломатия 1920—1955 гг.»³⁴. Известный историк Хикмет Баюр, профессора Джошкун Учок, Явуз Абадан, Фахир Армаоглу и Абдулахат Акшин³⁵ в своих трудах анализируют причины заключения франко-турецкого договора 1921 г. Доктор Омер Кюкчюоглу, первый среди турецких историков наивсавший отдельную работу о турецко-английских отношениях 1919—1926 гг., уделил внимание французской ближневосточной политике в указанные годы, в частности дипломатическим контактам с правительством Великого Национального собрания Турции, Анкарскому договору 1921 г., позиции Франции на Лозаннской конференции и т. п.³⁶

Наиболее обстоятельное изложение дипломатической истории франко-турецких взаимоотношений дается в монографии Салыха Р. Соннеля «Турецкая дипломатия 1918—1923 гг.», вышедшей в свет на английском языке³⁷. Источниковедческая база

³¹ Ali Saib. Kiliya faciaları ve Urfalı millî mücadeleleri. Ankara, 1924 (арабский шрифт). Нами использован французский перевод: Ali Saib. Les atrocités en Cilicie et les luttes pour la délivrance a Ourfa. Traduit du turc par Ma-Yer. Angora, 1340 (1924), p. 37.

³² General Ali Fuat Cebesoy. Millî mücadele hatıraları. İstanbul, 1953, s. 268—270.

³³ General Ali Fuat Cebesoy. Siyasi hatıralar. II kısım. İstanbul, 1960, s. 21.

³⁴ A. S. Esm er. Siyasi tarih (1919—1939). Ankara, 1953; idem. Turk diplomasisi (1920—1955).—In: Yeni Türkiye. İstanbul, 1959.

³⁵ Prof. Dr. Yusuf Hikmet Bayur. Türkiye devletinin dış siyasası. Ankara, 1938; C. Uçok. Siyasi tarih dersleri. Ankara, 1961; Prof. Dr. Yavuz Abadan. İnkılab tarihine giriş. Ankara, 1960; Prof. Fahır H. Armaoğlu. Siyasi tarih (1789—1960). Ankara, 1964; Abdula hat Akşin. Atatürkün dış politika ilkeleri ve diplomasisi (Birinci kısım). İstanbul, 1964.

³⁶ Doç. Dr. Kürkçuoğlu Omer. Turk-İngiliz ilişkileri (1919—1926). Ankara, 1978.

³⁷ Salahi Ramsdan Sonyel. Turkish Diplomacy 1918—1923. London—Beverly Hills, 1975.

данной книги обширна. Автору удалось использовать новые документальные материалы, хранящиеся в турецких и английских архивах. Это архив Института истории турецкой революции, Архив департамента военной истории Турции, Фонд Турции Форин Оффиса, материалы и бумаги британского кабинета министров и др. В работе учтены и не вошедшие еще в научный оборот газетные материалы из турецкой, английской и греческой прессы, а также большое количество опубликованных источников. Турецко-французским отношениям в этой книге уделено заметное место, при этом автор высказывает ряд интересных соображений относительно формирования позиций анкарских кругов по отношению к политике французов. Так, отмечается, что «от внимания националистов не ускользнуло, что с самого начала их движения французы делали все возможное для того, чтобы добиться их благосклонности, в первую очередь из-за своего антибританского безумия, которое неминуемо толкало их в объятия турок». Однако не обосновано фактами утверждение автора, будто «...французы, не имея средств для обеспечения окончательной победы в Киликии, которая стала финансовой и военной гангреней на теле Франции, решили сблизиться с кемалистами с целью урегулирования». Автор проявляет тенденциозность в освещении событий в Мараше. Основываясь на приведенных выше высказываниях М. Кемала, он вопреки истине заявляет: слухи о том, что тысячи армян были вырезаны турками в Марашском округе, распространялись армянами и их сторонниками и что «эти слухи были грубо преувеличены в политических целях»³⁸.

Ближневосточная политика Франции рассматриваемого периода разбирается и в трудах английских авторов. Кроме того, в многотомном официальном издании «Документы внешней политики Великобритании. 1919—1939 гг.»³⁹ имеется немалое количество материалов, предоставляющих возможность проследить перипетии французской внешней политики, ее позиции на конференциях в Сан-Ремо, Лондоне и Лозанне, англо-французские противоречия и дипломатическую борьбу за преобладающее влияние на Ближнем Востоке. Здесь впервые опубликованы записи бесед лорда Керзона и Клемансо в Париже и Лондоне в 1919—1920 гг., во время которых обсуждался вопрос о Киликии, и ряд других важных материалов. Понятно, что это издание страдает явной тенденциозностью: документы отобраны с таким расчетом, чтобы представить в самом благоприятном свете британскую внешнюю политику и в то же время подчеркнуть «агрессивную» политику союзницы по войне Франции. Этот недостаток присущ и работам английских историков, которые изобилуют критикой в адрес Франции, своей сепаратной политикой «предававшей» общее дело союзных держав. Так, Г. Армстронг, проведший долгие годы в Турции, не скрывал своего недовольства политикой Франции, которая вступила в тайные переговоры с Турцией и без ведома Англии подписала договор с анкарским правительством. Необъективность данного автора доходит до утверждения с том, что в борьбе турецкого народа против греческого вторжения державы Антанты «сохраняли нейтралитет»⁴⁰.

Следует отметить, однако, что уже в работах английских авторов 1920-х годов содержится критика и в адрес своего правительства, а также Франции за их отказ от взятых ими обязательств по отношению к нетурецким национальностям Османской империи. Дж. Бёрт, например, подчеркивал, что именно по вине Англии и Франции армяне возвратились в Киликию и были обмануты ими, что «ложится черным пятном на западную цивилизацию»⁴¹. Из других книг довоенных лет представляет

³⁸ Там же, с. 25, 135, 26.

³⁹ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. First series, vol. 1—4, 8, 13, 15, 17—21. London, 1947—1978.

⁴⁰ H. C. Armstrong. Grey Wolf. Mustafa Kemal. An intimate study of a Dictator. London, 1938, p. 143—144, 159.

⁴¹ Joseph Burt. The People of Ararat. London, 1926, p. 86—87. См. также Leonard C. Leese. Armenia and Allies. London, 1920, p. 5.

интерес работа известного философа и историка-международника Арнольда Тойнби и К. Кирквуда, а также Генри Камминга⁴². Более ценны, однако, работы, опубликованные после второй мировой войны. Среди них выделяются объемистый труд Дж. Мариотта, докторская диссертация Эд. Р. Вер-Ходжа, книги М. Н. Меддикотта, Э. Кедури⁴³ и др. Истории французской колониальной политики 1879—1925 гг. посвятил свою монографию проф. Стефен Робертс⁴⁴. Общим у перечисленных авторов является их стремление обнажить «вероломство» и «непопулярность» французов по отношению к Англии. Но они по-разному расценивают конкретные шаги, предпринятые французской дипломатией в тот период. Так, если проф. Мариотт считает анкарский договор «результатом французских интриг», то Меддикотт приходит к заключению, что Франция, чувствуя свою военную и политическую слабость в Сирии и будучи уверенной в том, что Великобритания не поддержит ее в европейских делах, склонялась к убеждению, что не следовало поддерживать неразумную политику греков⁴⁵.

Много интересных материалов приводится в исследовании лорда Кинросса⁴⁶. Хотя книга в целом написана в туркофильском духе, она ценна тем, что ее автору первому удалось получить доступ к личному архиву Кемалю Ататюрка, а также использовать в своей работе личные бумаги адмирала Бристолья, имевшего продолжительные встречи и беседы с Ататюрком. Определенный интерес представляет раздел, посвященный переговорам Кемалю с верховным комиссаром в Сирии и Киликии Жоржем Пико. В отличие от ряда французских авторов, он правильно отмечает, что Жорж Пико явился к Кемалю как «представитель французского правительства» и что «Кемаль принял его именно как такового»⁴⁷. Меткие оценки французской политики в Киликии содержатся в хорошо документированной работе английского историка Кристофера Уокера, который выделяет две взаимоисключающие политические линии правящих кругов Франции: 1) оккупация Киликии с целью ее превращения в свою колонию; 2) сотрудничество с Турцией, исходящее из того, что 61% оттоманского долга находился в руках французов. «Франция,— пишет автор далее,— использовала армян для своей грязной империалистической работы. Армяне, доверившись ей, как великой цивилизованной державе, охотно взяли на себя предназначенную им роль». При оценке событий в Мараше К. Уокер использовал достоверные показания очевидца событий доктора Кратерна, хранящиеся в архиве Форин Оффиса. «Мараш был началом конца французов в Киликии»,—заканчивает автор⁴⁸.

Весьма ограничена американская историческая литература по рассматриваемой проблеме. Правда, в послевоенные годы в США было издано много книг по Ближнему Востоку и дипломатической истории борьбы вокруг него, но они посвя-

⁴² Arnold J. Toynbee and Kenneth P. Kirkwood. Turkey. London, 1926; Henri H. Cumming. Franco-British Rivalry in the Postwar Near East. The decline of french influence. London, 1938.

⁴³ J. A. R. Mariott. The Eastern Question. An historical study in European diplomacy. Oxford, 1951; Edward Reginald Vere-Hodge. Turkish Foreign Policy 1918—1948. Ambilly-Annemasse, 1950; M. N. Medicott. British Foreign Policy since Versailles. 1919—1963. London, 1968; Elie Kedourie. England and the Middle East. The destruction of the Ottoman Empire 1914—1921. London, 1956.

⁴⁴ Stephen H. Roberts. The history of french colonial policy 1870—1925. London, 1963.

⁴⁵ J. A. R. Mariott. Op. cit., p. 530; M. N. Medicott. Op. cit., p. 39.

⁴⁶ Lord Kinross. Ataturk. The rebirth of a nation. London, 1965. См. рецензию на эту книгу: Р. Г. Саакян.—Вестник общественных наук АН АрмССР. 1968, № 3, с. 94—98.

⁴⁷ Lord Kinross. Op. cit., p. 203.

⁴⁸ Christopher J. Walker. Armenia. The survival of a Nation. London, 1980, p. 293, 296.

щены турецко-американским или турецко-советским отношениям. Политика других крупных государств, в частности Франции, специально не исследовалась. И все же в работах, вышедших в разное время, приводится значительное количество достоверных материалов, в том числе свидетельств очевидцев событий в Киликии, которые могут служить дополнительным источником для изучения всего комплекса вопросов, связанных с проводимым французской администрацией курсом⁴⁹. Ценными являются переизданное в 1966 г. обширное исследование проф. Г. Говарда, фактически посвященное истории десятилетней дипломатической борьбы великих держав за раздел так наз. «турецкого наследства», и книга Лоуренса Эванса⁵⁰, также посвященная истории раздела Османской империи, но в связи с политикой Соединенных штатов. У упомянутых авторов имеются и непримлемые утверждения; так, Говард, анализируя Анкарский договор, пишет, что «по этому соглашению Франция уступила (?—Р. С.) Турции 10.000 кв. км территории...»⁵¹ Среди воспоминаний многочисленных иностранных очевидцев и соучастников событий в Киликии в 1918—1922 гг. своим объективным подходом и достоверностью приведенных фактов и сведений выделяются книги бывшего главного врача американской больницы в Мараше Мейбл Эвлин Эллиот и доктора Стэнли Э. Керра, являвшегося в 1919—22 гг. членом „Near East Relief“⁵². Особенно ценна последняя работа, которая выходит за рамки личных воспоминаний автора, ибо он, помимо своих наблюдений и записей, широко использовал мемуары большого числа участников и очевидцев событий—турок, армян, французов и американцев, привлек документы из архива замка Венсенн (архив штаба сухопутной армии Франции) и архива Форин Оффиса, а также использовал труды турецких, западных и советских авторов. Автору удалось воссоздать цельную и объективную картину всего того, что произошло в Мараше в годы его французской оккупации; в частности, проф. Керр показал как борьбу кемалистов против французских оккупантов, так и борьбу этих же самых кемалистов против преданных французам армян. В итоге, как пишет автор в предисловии, «в 1914 году 86 тысяч армян жило в Мараше и его окрестных селах. К январю 1923 года ни одного из них не осталось»⁵³. О событиях в Киликии, и в частности о франко-турецком соглашении 1921 г., говорится во втором томе двухтомной «Истории Османской империи и современной Турции» преподавателей Калифорнийского университета супругов Шоу⁵⁴, труде крайне тенденциозном, изобилующем фальсифицированными данными по истории армянского народа.

Много конкретного материала о французской политике в Киликии в рассматриваемый период содержится в исследованиях и воспоминаниях зарубежных армянских авторов. В книгах С. Терзяна и А. Погосяна⁵⁵ о героической самозащите армян

⁴⁹ См. E. G. Mears. *Modern Turkey. A politico-economic interpretation, 1908—1923*. New York, 1924; Gates Galeb Frank. *Not to me only*. Princeton, 1940; George Horton. *The Blight of Asia*. Indianapolis, 1953.

⁵⁰ Lawrence Evans. *United States Policy and Partition of Turkey 1914—1924*. Baltimore, 1965.

⁵¹ Harry N. Howard. *The partition of Turkey. A diplomatic history 1913—1923*. New York, 1966, p. 261.

⁵² Mabel Evelin Elliott. *Beginning again at Ararat*. New York etc., 1924; Stanley E. Kerr. *The Lions of Marash. Personal experiences with american Near East Relief, 1919—1922*. Albany, 1973.

⁵³ Stanley E. Kerr. *Op. cit.* p. XV.

⁵⁴ Stanford J. Shaw, Ezel Kural Shaw. *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. II*. Cambridge University Press, 1977.

⁵⁵ Հ. Թերզյանի Սոկրատ. Հաճընի ութամսյա դուրսագնամարտը. Բուենոս Այրես, 1956; Հաճընի ընդհանուր պատմությունը և շրջակա Երզաս ճազը՝ Նայ գյուղերը: Երկասիրեց Հ. Պ. Պոսոսյան. Լոս Անձելոս, 1942:

Халджина, Н. Зейтунцяна и Вард Мехака⁵⁶ о последних боях в Зейтуне, Г. О. Галустяна и О. Тер-Варданяна⁵⁷ о Мараше, Г. Сарафяна и А. Кесара⁵⁸ об истории айнтабских армян, Арама Саакяна⁵⁹ о вооруженной самозащите армян в г. Урфе, Кримителя⁶⁰ и многих других авторов использован значительный документальный и литературный материал, помогающий раскрыть действия французских военных и административных властей в Адане, Сисе, Мараше, Айнтабе, Урфе и других оккупированных французами городах. Но несмотря на обилие фактического материала, издания зарубежных армянских авторов в подавляющем большинстве своем лишены научных обобщений и выводов, не дают систематического изложения того или иного вопроса в целом, страдают узкопартийностью оценок. В своей критике французской ближневосточной политики эти авторы удовлетворяются лишь выражением «удивления» в связи с той неблагоприятной ролью, какую сыграла «христианская Франция» в киликийских делах, в судьбах христианского населения Киликии. Совершенно игнорируя весь комплекс экономических, финансовых, политических, культурных и иных интересов, явившихся побудительной и движущей силой внешнеполитической линии французских военно-монополистических кругов на Ближнем Востоке, они считают эту политику таинственной и абсолютно непонятной. Так, рассматривая причины бесславно-го отступления французских оккупационных войск из Мараша 10—11 февраля 1920 г., многие авторы считают его результатом «громадного военного просчета», «неопытным тактическим шагом», «вечно необъяснимым отступлением», «загадкой» и т. п.⁶¹ Критически следует отнестись и к цифровым данным, приводимым зарубежными армянскими авторами. Например, в своей «Истории армянского народа», изданной в Аргентине, Ашот Арцруни утверждает, что в Киликии погибло 50 тысяч армян⁶², между тем известно, что общее число жертв, понесенных армянским населением в 1918—1922 гг., составило 20—22 тысячи человек. Лишь отдельные армянские авторы за рубежом, анализируя французскую политику тех лет, дают ей достойную оценку. Так, прогрессивно настроенный общественный деятель Аветис Япуджян в монографии «Борьба армянского народа за независимость в Киликии в 1919—1921 гг.», вышедшей в свет в Каире, справедливо критикует тогдашних лидеров киликийских армян за их непонимание французской политики: «Наши руководители игнорировали ту истину, что люди, для которых миллионы их соотечественников служили пушечным мясом, могли не колеблясь сделать жертвами турецкого ятагана несколько десятков тысяч беззащитных армян»⁶³. Упомянутый автор дает в целом правильную оценку и Анкарскому договору 1921 года⁶⁴.

⁵⁶ Ն ա դ ա ռ ե թ Զ Ե Յ Ռ Ե Ն Ե Յ Յ Ն. Զ Ե Յ Ռ Ե Ն Ի Վ Ե Ր Զ Ի Ն Ղ Ե Ա Ր Ե Ե Ե Ե Ե (1919—1921). Ա լ Ե Բ Ս Ա Ն Ղ Ի Վ, 1922; Մ Ե Խ ա կ Վ ա ր ղ. Զ Ե Յ Ռ Ե Ն Ի Ն ա Տ ա ն ջ օ ղ. Կ. Պ ր Ի ս, 1922:

⁵⁷ Մ ա ր ա շ կ ա մ Գ Ե ր մ ա ն Ի կ և Տ Ե ր օ ս Զ Ե Յ Ռ Ե Ն, Ե ր կ ա ս Ի ր Ե Յ Գ ր. Ն. Գ ա լ ո ս տ յ ա ն (Կ Ի լ Ի կ Ե ց Ի). Ն յ ու Յ ր ր ք, 1934: Շ ո վ ս Ե փ Տ Ե Ռ Վ ա ր ղ ա ն Յ ա ն. Մ ա ր ա շ Ի ք ա ր ղ Ե 1920-ին և ս յ ա տ մ ա կ ա ն Տ ա մ ա ռ ռ ա ա կ Ե ն ա ր կ ս ր ա ն յ ց յ ա լ Ի ն վ ր ա. Ե ր օ ս ա ղ Ե մ, 1927:

⁵⁸ Ke v o r k A. S a r a f i a n. A B r i e f e r H i s t o r y o f A i n t a b. S a n - F r a n c i s c o, 1957; Ա. Կ Ե Ս Ր. Ա յ ն թ ա ս Ի ղ ղ օ յ ա մ ա ր տ ր. Պ օ ս տ օ ն, 1945:

⁵⁹ Ա ր ա մ Ս ա Տ ա կ Յ ա ն. Գ յ ո յ ց ա ղ Ե ն ա կ ա ն Ու ռ Ֆ ա ն և Ի ր Տ ա յ օ ղ ղ Ի ն Ե Ե ր ք. Պ Ե յ ր օ թ, 1955:

⁶⁰ K r i m i t e l l (K r i k o r - M i n a s T e l l a l i a n). H i s t o i r e A r m   e n o - E u r o p   e n n e. P a r i s, 1943.

⁶¹ Գ ա վ Ի Թ Մ. Ա ղ ա մ Յ ա ն. Կ Ի լ Ի կ յ ա ն ղ ր վ ա գ ն Ե ր. Փ ա ր Ի ղ, 1921: Մ ա ր ա շ կ ա մ Գ Ե ր մ ա ն Ի կ..., էջ 816, A r a m T u r a b i a n. L'   t e r n e l l e v i c t i m e d e l a d i p l o m a t i e e u r o p   e n n e. P a r i s, 1928, p. 9.

⁶² A s h o t A r t z r u n i (A. S i r o u y a n). H i s t o r i a d e l P u e b l o A r m e n i o. B u e n o s A i r e s, 1965, p. 431.

⁶³ Ա վ Ե տ Ի ս Ե ա փ ու Տ Յ Յ ա ն. Շ ա յ ժ ո ղ վ օ ռ ղ Ի ս ա ն կ ա խ օ ռ յ Յ Յ ա ն ս յ ա յ օ ա ր ր Կ Ի լ Ի կ Ի ո մ Ե շ Ե 1919—1921 թթ. Գ ա Տ Ի ր Ե, 1977, էջ 7:

⁶⁴ Там же, с. 1415.

Критический анализ зарубежных изданий документов и материалов, трудов западных и турецких авторов приводит к заключению, что как в довоенной, так и в современной буржуазной историографии рассматриваемая проблема в целом нашла одностороннее и тенденциозное освещение. Более того, в трудах западных и турецких авторов события в Киликии зачастую излагаются в искаженном, фальсифицированном виде. Что же касается оценок и выводов буржуазных историков, то они, как правило, крайне тенденциозны и продиктованы стремлением оправдать политику своей страны.

Рамки настоящей статьи не позволяют нам привлечь соответствующий фактологический материал, обстоятельное изучение которого дало возможность сделать следующие выводы:

1. Французская политика по отношению к Киликии и в самой Киликии в рассматриваемый период вытекала из целей, преследуемых на Ближнем Востоке колониальными империалистическими кругами Франции.

2. Занятие Киликии французскими войсками было продиктовано временными соображениями: а) Франция согласилась заполучить ее вместо богатой нефтью Мосульской области, которую Англия, в нарушение соглашения Сайкса—Пико, отказалась уступить ей; б) Киликия нужна была Франции для обеспечения безопасности Сирии с севера в период утверждения за Францией мандата Лиги наций, ибо, в отличие от Палестины и Ирака, прочно занятых Англией, в отношении Сирии все еще существовала кемалистская угроза извне и инспирированные англичанами мятежи Фейсалла—внутри.

3. Французская политика по отношению к Турции в целом была обусловлена особыми экономическими и финансовыми интересами французских банкиров и капиталистов в потерпевшей поражение, но еще не ликвидированной Османской империи. Большая часть—61%—османского долга приходилась на долю Франции, поэтому интересы французских монополий диктовали сделать все возможное для сохранения территориальной целостности турецкого государства с целью получения как старых долгов и прибылей, так и новых привилегий.

4. Важное место в политике Франции занимал религиозный фактор, т. е. роль и значение в мусульманском мире Турции как центра халифата. Французские правящие круги неоднократно заявляли, что «Франция—великая мусульманская держава», признавая, что их политика по отношению к Турции находит живой отклик в мусульманских колониальных владениях Франции.

5. Особая, сепаратная от своей союзницы Англии позиция, занятая Францией в турецких делах, была вызвана также тем ядовитым и непримиримым антисоветизмом, который взял на вооружение французский империализм с первых же дней Великой Октябрьской революции. Именно этот антисоветизм вдохновлял его на участие в разного рода комбинациях против страны Советов на польском и кавказском фронтах. В этих комбинациях кемалистской Турции отводилась заметная роль, отсюда и необходимость соглашения с ней даже путем некоторых уступок.

6. Острые англо-французские противоречия на Ближнем Востоке также толкали Францию на поиски сепаратной договоренности с кемалистами—фактическими наследниками Османской империи, в ущерб населявшим ее христианским и нетурецким народам.

7. Вся совокупность экономических, финансовых, стратегических, религиозных, культурных и иных факторов привела к тем акциям французской дипломатии (встреча М. Кемалля и Ф.-Ж. Пико в Сивасе в декабре 1919 г., заключение перемирия 30 мая 1920 г., инициативы в пересмотре Севрского договора, секретные переговоры на Лондонской конференции в феврале—марте 1921 г., поездки А. Франклен-Буйона в Анкару в июле и сентябре 1921 г. и др.), которые завершились подписанием Анкарского договора 20 октября 1921 года.

8. Ликарское соглашение хотя и не являлось окончательным мирным договором с Турцией, дало ей возможность, возвратив себе Киликию, перебросить на запад военные силы южного фронта, которые были так необходимы для продолжения войны против греков. Этим договором Франция окончательно бросала христианское население Киликии на произвол судьбы, ибо предусмотренные договором так наз. гарантии безопасности не имели за собой никакой реальной силы.

9. Туркофильская политика французских правящих кругов, идущая из глубины веков, вытекала из многочисленных привилегий, которых добилась Франция в Османской империи. Эта политика имела пагубные последствия для народов Киликии, особенно для армян, а также греков, ассирийцев и др., которые вернулись в свои родные места именно по зову Франции, но последняя нарушила свое обещание и не обеспечила их безопасности.

10. Истребление более чем 20 тысяч и изгнание из родных мест более 130 тысяч армян, которые пережили страшный геноцид 1915 г., были, по сути дела, новым проявлением политики геноцида турецких правящих кругов, с той лишь разницей, что в годы первой мировой войны геноцид армян в Турции был осуществлен при попустительстве германского империализма, в Киликии же он стал возможным из-за вероломной по отношению к армянам политики французских империалистических кругов.

ԿԻԼԻԿԻԱՅՈՒՄ ՖՐԱՆՍԻԱՅԻ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԳՆԱՀԱՏՄԱՆ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՁԸ 1918—1922 թթ.

Ռ. Գ. ՍԱՀԱԿՅԱՆ

(Ս. մ. փ. ռ. փ. ու. մ.)

Հողվածում քննական վերլուծության են ենթարկվում հարցի շուրջ առկա թուրքական ու արևմտյան փաստագրական աղբյուրներն ու գրականությունը, վեր է հանվում ինչպես նախապատերազմյան, այնպես էլ արդի բուժական պատմագրության միտումնավոր մոտեցումը 1918—1922 թթ. Կիլիկիայում ֆրանսիական իշխանությունների վարած քաղաքականության լուսաբանման ու գնահատման հարցում: Արվում են ընդհանրացումներ ու եզրակացություններ, այն է՝ 1. ֆրանսիական քաղաքականությունը Թուրքիայի նկատմամբ պայմանավորված էր ֆրանսիական դրամատուրերի առանձնահատուկ շահերով: 2. Կիլիկիայի գրավումը ֆրանսիական զորքերի կողմից թեև զորված էր ժամանակավոր նկատառումներով: 3. Կարևորագույն գործոններից մեկը Թուրքիայի, որպես խալիֆայի կենտրոնի, դերն ու նշանակությունն էր մահմեդական աշխարհում, մասնազորակա՝ Ֆրանսիայի մահմեդական տիրույթներում: 4. Թուրքիայի նկատմամբ Ֆրանսիայի անջատ դիրքորոշման գործոններից մեկն էլ ֆրանսիական իմպերիալիզմի՝ Հոկտեմբերյան հեղափոխության հենց առաջին օրերից որդեգրած անհաշտ հակասովետիզմն էր: 5. Ֆրանսիական իմպերիալիզմի տնտեսական, դրամական, քաղաքական, կրոնական, ստրատեգիական և այլ բնույթի շահերը հանգեցրին ֆրանսիական դիվանագիտության անջատ և գաղտնի այն քայլերին, որոնք պսակվեցին 1921 թ. հոկտեմբերի 20-ի Անկարայի պայմանագրի ստորագրությամբ: 6. Անկարայի պայմանագիրը հնարավորություն տվեց քեմալականներին արևմտյան ճակատ փոխադրել ռազմական այն ուժերը, որոնք այնքան անհրաժեշտ էին հույների դեմ շարունակվող պատերազմում: Այդ պայմանագրով Ֆրանսիան վերջնականապես լքեց Կիլիկիայի ազգաբնակչությանը, վերջինիս թողնելով քեմալական իշխանությունների ու արնածարավ չեթենների ողորմածությունը: 7. Ֆրանսիայի կառավարող շրջանների ավանդական թուրքասիրական քաղաքականությունը, որը բխում էր դարերի ընթացքում Օսմանյան կայսրությունում նրանց ձեռք բերած բազմապիսի արտոնություններից, աղետալի հետևանքներ ունեցավ առաջին հերթին հայ ազգաբնակչության համար, որը վերադարձել էր Կիլիկիա հենց ֆրանսիական ղեկավարների կողմից վերստահելով նրանց գրավոր ու բանավոր խոստումներին ու հավաստիացումներին: 8. Եղեռնը վերապարած տասնյակ հազարավոր հայերի ոչնչացումը ըստ էության թուրք կառավարողների կիրառած ցեղասպանության քաղաքականության մի նոր դրսևորումն էր, այն տարբերությամբ միայն, որ հայ ժողովրդի գենոցիդը Թուրքիայում առաջին համաշխարհային պատերազմի տարիներին իրականացվեց գերմանական իմպերիալիզմի թողտվության պայմաններում, իսկ Կիլիկիայում այն հնարավոր դարձավ Ֆրանսիայի իմպերիալիստական շրջանների խարդախ և հայերի նկատմամբ ուխտագրում քաղաքականության հետևանքով: